

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Д. Л. АГРАНАТ

Личность и военизированная организация

Процесс социализации личности в условиях военизированной организации — проблематика, на которую обращали свое внимание с различных методологических позиций как отечественные, так и зарубежные исследователи¹. В данном случае для прояснения особенностей социализационного процесса в военизированных организациях в качестве методологической основы мы использовали социологическую концепцию тезауруса, представленную в работах Вал. А. Лукова². Он трактует тезаурус в качестве маркера ментальных структур, придающих смысл обыденным действиям людей и их сообществ, но кроме этого предопределяющих самые различные отклонения от обыденности и оказывающих воздействие, возможно — решающее, на весь комплекс социальных структур, социальных институтов и процессов³. Базовой категорией для формирования тезауруса личности, связующим звеном всех элементов данного ориентационного механизма выступают социальные ценности человека. Именно на основе ценностей окружающая действительность осваивается личностью с разделением фрагментов реальности на «свое» и «чужое», образуют тезаурус — полный систематизированный состав знаний, необходимых для

ориентации в природной, социальной и культурной среде. Необходимо отметить, что те или иные ценности по своему происхождению могут принадлежать разным эпохам и народам, быть разделенными пространством и временем, но именно в тезаурусе они объединяются. Фактически пространственно-временная дистанция между частями тезауруса заменяется ценностной.

Данное положение чрезвычайно интересно для рассмотрения проблематики формирования тезаурусов в условиях военизированных организаций. Противоречивость социальной реальности военизированных организаций задает особые социализационные условия, которые определяют необходимость для участника военизированной организации совмещать в своем ориентационном комплексе разные, нередко взаимоисключающие элементы социальной реальности.

Вал. А. Луков определяет несколько ключевых свойств тезауруса, на которых строится его социологическая характеристика⁴.

1. Состав тезауруса противоречив. С одной стороны, данный ориентационный комплекс на субъективном уровне характеризует полнота, но это верно лишь в том смысле, что смысловых конструкций тезауруса достаточно для ориентации личности в соци-

альной реальности. С другой, тезаурусу присуща неполнота (избирательность) по сравнению с многообразием реального мира, который в тезаурусной перспективе представлен фрагментарно и в особой конфигурации (подобно сюрреалистическому переструктурированию реальности).

2. Тезаурус представляет собой иерархическую систему, имеющую целью ориентацию в окружающей среде. В силу различия личностных свойств людей и несовпадения условий окружающей их социальной и культурной среды тезаурусы неодинаковы, хотя в них есть типичные элементы. Тезаурус отражает иерархию субъективных представлений о мире, он может рассматриваться как часть действительности, освоенная субъектом (индивидом, группой).

3. Жизненный мир человека предстает перед ним сквозь призму тезауруса, и в силу различий в тезаурусах различаются и жизненные миры. Их уникальность преодолевается их связанностью, различающейся на разных этапах общественной организации, в том числе имеющей особые формы и способы реализации на уровне повседневности.

В основе структуры тезауруса лежит дихотомия «своего-чужого». Именно она определяет, какие знания о социальной реальности сформируют данный ориентационный комплекс. В этом плане формирование тезауруса связано с процессом интериоризации элементов социальной реальности индивидом в качестве «своих». В этом отношении в структуру тезауруса входят достаточно противоречивые элементы социальной реальности, которые освоены личностью.

Тезаурусный подход позволяет по-новому взглянуть на жизненный мир людей, оказавшихся членами военизированной организации, их восприятие себя и своего социального окружения. Специфика тезауруса таких людей видится в его двухслойности: в нем фактически сосуществуют элементы социальной реальности, освоенные индивидом на разных уровнях социальности военного сообщества. Один пласт тезауруса составляют освоенные формальные институ-

циональные нормы военной среды, другой — неформальные социальные практики военного сообщества. Такие тезаурусные слои могут и пересекаться: формальные социальные нормы могут находить свое нормативное продолжение в неформальных и, наоборот, неформальные нормы военной среды могут давать основание для официальной регуляции. Вместе с тем в большинстве случаев формальные и неформальные социальные практики, принятые в военизированной организации, в содержательном плане находятся в конфликте. Это два противоположных социальных пространства. Однако с точки зрения тезауруса они необходимы индивиду для функционирования в данном социальном институте.

Тезаурусная концепция оказалась весьма эффективной для анализа вторичной социализации в условиях противоречивой, разнообразной социальности военизированной организации, характеристика которых может быть проведена с применением теории тотальных институтов И. Гофмана.

Обратимся к основаниям этой теории. Проводя исследование по управлению идентичностью в психиатрической больнице, Гофман выявил специфические условия существования больных в данном заведении. Характеристику этих условий Гофман описал в трактовке тотального института, который он определил как «место проживания и работы, где значительное число находящихся в одинаковой ситуации людей, отрезанных от более широкой общности на ощутимый период времени, сообща следуют закрытому, формально административному циклу жизни»⁵.

Гофман довольно точно охарактеризовал условия, в которых существуют члены тотальных институтов. Всеобщий социальный контроль над участниками, который проникает из сферы профессиональной жизни в сферу личной, делает подчинение участников тотального института административному циклу жизни абсолютным. В такого рода организациях возможность для выбора у участников крайне мала. Все обязаны

поступать в соответствии с теми нормативами, которые предписаны в данном институте. Сами по себе нормативы носят характер императива — безальтернативной нормы. Следовательно, в большинстве случаев цели организации никак не соотносятся с целями рядовых сотрудников. Нередко и управленческий аппарат также становится заложником норм тотального института, которые никак не соотносятся с целями и ценностями менеджмента⁶.

Гофман определяет черты тотального социального института следующим образом:

1. Передвижение индивида ограничено пределами тотального института. В качестве объекта своего исследования Гофман выбирает пациентов, которые располагаются непосредственно на территории психиатрической больницы, именно это обстоятельство делает возможным воздействие норм тотального института на человека. Гофман придает большое значение не только непосредственному нахождению личности в стенах тотального института, но и специфическим характеристикам такого помещения. Вся обстановка, которая существует внутри тотального института, является презентацией социального статуса больного как для окружающих его людей, так и для него самого. Вместе с тем никакой возможности изменить такие условия жизнедеятельности у больного нет. Он не властен над этими условиями. Напротив, пациенту строго указывают на то, что такие условия продиктованы его сегодняшним душевным состоянием.

2. Жизнь и деятельность членов тотального института четко регламентирована и подчинена жесткому административному порядку. Участники тотального института по разным причинам оказались на его территории, их жизненный опыт и биографии различны, но, несмотря на эти обстоятельства, все они сталкиваются с единым набором социальных норм, которые приведут дело к тому, что человек путем помещения в психиатрическую больницу «вытесняется» из системы социальных связей, участником

которых он был в прошлом. Фактически благодаря такой карьере в психиатрической больнице человек изменяет свой статус гражданина на статус пациента, лишается в результате такой смены статусов всех тех прав и обязанностей, которыми он обладал ранее.

3. Член тотального института общается только с теми, кто имеет такой же, как и он, институциональный статус. Такое общение выступает в качестве поддержки нового представления о себе у пациента. Другие душевнобольные выступают в качестве зеркала, отражающего институциональные черты, которыми теперь больной человек обладает. Персонал тотального института тоже стремится поддерживать институциональные представления пациента о себе. При помощи бесед, убеждений, распоряжений и приказов индивиду дают понять, что прошлое является результатом его ошибочных действий. В результате такого взаимодействия у индивида конструируется такой образ своего прошлого, настоящего и будущего, который позволяет представить себя в данных условиях в более выгодном свете.

Особенные условия жизнедеятельности больных в тотальном институте создают уникальное социальное пространство, которое непонятно окружающим. Такое непонимание определено, во-первых, социальной изоляцией пациентов от окружающего мира, их отчужденностью от него. Во-вторых, дистанцированностью большинства людей от исследуемого сообщества, что делает социальные нормы, принятые в психиатрической больнице, неприемлемыми, непонятными для индивидов, не находящихся в больнице. Следовательно, порядки среди больных трактуются ими как нездоровое поведение.

Обобщения, сделанные на материале психиатрической больницы, приводят Гофмана к концепции тотальных институтов как распространённого в обществе инструмента социальной регуляции. Исследователь разделяет тотальные институты в зависимости от

предназначения и от степени принуждения их членов. По социальному предназначению тотальные институты классифицируются на пять групп:

1) обеспечивающие стационарный уход за людьми, которые не способны самостоятельно себя обеспечивать и которые не представляют общественной угрозы (пансионаты для престарелых, детские дома и т. п.);

2) то же, но в отношении лиц, непреднамеренно представляющих опасность для общества (туберкулезные санатории, психиатрические лечебницы и т. п.);

3) защищающие общество от преднамеренной опасности со стороны определенных лиц, в отношении которых применяются санкции как к девиантам и не предусматриваются задачи обеспечения их блага (тюрьмы, исправительные учреждения, лагеря для военнопленных и т. п.);

4) необходимые для эффективного выполнения инструментальных задач (армия, судовые экипажи, школы-интернаты, рабочие лагеря и т. п.);

5) созданные группами лиц, чтобы отделить себя от мирской жизни (монастыри, аббатства, духовные школы и семинарии)⁷.

По степени использования принуждения тотальные институты разделяются на две группы:

1. Институты, в которых принудительный характер имеет внешний для личности источник (тюрьма, закрытые медицинские учреждения).

2. Тотальные институты, принуждение в которых — акт добровольного выбора их членов, их служения (религиозные организации и т. д.)⁸.

Как видим, в число тотальных институтов отнесена армия, что позволяет применять гофмановскую концепцию и к другим организациям, построенным в нормативном плане по армейскому образцу, — к военизированным организациям. На поверхности видно, что институциональные условия таких организаций характеризуются консерватизмом, негибкостью по отношению к изменяющейся внешней среде. Но более существенны

те свойства военизированных организаций, которые как бы притягивают к себе людей с определенными тезаурусами, достраивают эти тезаурусы (а значит — и субъективно воспринимаемые жизненные миры) таким образом, что они становятся неразделимы с институциональными чертами тотального института.

Специфические характеристики военизированных организаций определяют значительную дистанцию между ними и гражданским обществом. Это своего рода диаметрально противоположные уровни социальной реальности, социального порядка, которые по большинству показателей противоречат друг другу. Следовательно, на личностном уровне возникает огромная разница в ориентационных конструктах личности, которые необходимы в гражданском обществе и военизированных организациях.

Кроме содержательной разницы элементов тезаурусных конструкций, актуальных в гражданском обществе и военизированных организациях, процесс формирования ориентационных комплексов в обозначенных институциональных образованиях различен. В исследовании данного феномена важно учитывать действие механизмов социальной идентификации.

В этом плане интересной представляется позиция Э. Гидденса в отношении описания сторон идентичности человека, не ограниченной никакими институциональными формами. По мнению Э. Гидденса, нормальная идентичность представляет собой следующее: а) Я как ответственный за самого себя, непрерывный и всеохватный социальный проект; б) Я как траектория индивидуального развития из прошлого в (прогнозируемое) будущее. В известной степени это своего рода идеальный тип. Личность как субъект и объект социальной жизни постоянно находится в условиях институциональных систем. Вместе с тем особенности формирования идентичности в социальных институтах различного рода различны.

В условиях жесткого административного порядка деятельности в военизированных

организациях у личности фактически нет никакой возможности проявить свободу в выборе идентификационных ориентиров. Заданность таких эталонов поведения и референтных групп определяет институциональную ограниченность идентификационных границ. В этом плане формирование тезаурусных конструкций происходит по иной схеме, нежели это свойственно гражданскому обществу, где тезаурус складывается в большинстве случаев на основе выбора из множества вариантов. Безусловно, данные образцы тоже институционально определены. Однако для индивида представлены эталоны, которые, несмотря на то, что поддерживают известный в гражданском обществе институциональный порядок, в то же время ориентированы на различные типы личности. В условиях военизированной организации тезаурусные конструкции навязываются сверху институциональной системой. Набор эталонов единственный и сориентированный на всех членов военизированной организации вне зависимости от их системы ценностей, жизненного опыта, личностных особенностей. Здесь нет задачи предложить различным типам участников военизированной организации ориентационный набор, наоборот, все участники военного сообщества должны освоить единственный предложенный тип идентичности. Никаких альтернативных вариантов военизированной организации не предлагает. В этом смысле формирование тезауруса в условиях военизированной организации возможно при конструировании особого социального порядка, который сделает невозможным воспроизводство социальных практик, которые не будут соотноситься с институциональными требованиями.

¹ См.: Goffman E. *Asylums*. Harmondsworth: Penguin Books, 1961; Фуко М. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. М., 1999; Пашин Л. А. *ГИБДД: проблемы социального развития*. М.: Социум, 2000; Пожидаев Д. Д. *От боевых действий к гражданской жизни* // Социол. исследования. 1999. № 2.; Серебрянников В. В. *Военные*

в «гражданском» обществе // Социол. исследования. 1995. № 6; Сафронов А. Д. *Проблема риска в деятельности органов МВД* // Социол. исследования. 1997. № 11; Денисовский Г. М., Смирнов А. И. *Новые тенденции в адаптации семей бывших офицеров к гражданской жизни* // Социол. исследования. 1999. № 8; Гришковец А. А. *Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России)* // Государство и право. 2004. № 1.

² См.: Луков В. А. *Социологические основы социального проектирования: тезауриологический подход* // Социологический сборник: Вып. 3 / Ин-т молодежи. М., 1997. С. 3–20; Он же. *Молодежь как социальная реальность* // Ковалева А. И., Луков В. А. *Социология молодежи: Теоретические вопросы*. М., 1999. С. 126–189; Он же. *Тезауриологическая концепция молодежи* // Социологический сборник. Вып. 5 / Ин-т молодежи. М.: Социум, 1999. С. 8–23; Он же. *Тезаурусная концепция социализации* // Дискурс: Социол. студия. Вып. 2: *Социальная структура, социальные институты и процессы*. М., 2002. С. 8–19; Он же. *Тезаурусная концепция молодежи* // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». Москва, 30 сент. — 2 окт. 2003 г. М.: Альфа-М, 2003. Т. 3. С. 71–72; Он же. *Тезаурусный подход к исследованию человека и общества* // *Гуманитарное знание: перспективы развития в XXI веке* / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2006. С. 625–670; и др.

³ Ковалева А. И., Луков В. А. *Социология молодежи: Теоретич. вопросы*. М., 1999. С. 130.

⁴ Ковалева А. И., Луков В. А. *Указ. соч.* С. 132.

⁵ Цит. по: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. *Социологический словарь*: пер. с англ. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. С. 333.

⁶ См.: Goffman E. *The Characteristics of Total Institutions* // Etzioni A. (ed.) *A Sociological Reader in Complex Organizations*. London, 1970. P. 314.

⁷ Подробнее см.: Агранат Д. Л., Луков В. А. *Молодые милиционеры*. М., 2003. С. 48–49.

⁸ См.: там же С. 49–50.